

сфере соприкосновения обоих миров, земного и потустороннего, и именно их контакт, как ни парадоксально, служит питательной почвой для обнаружения гротескно-комической стихии. Анализ латинских памятников VI—XIII вв. заставляет предположить сильное воздействие аудитории, которой они были адресованы, на их создателей, следовательно, влияние народной культуры на официально-церковную. Но, разумеется, эта народная культура могла проникать на страницы сочинений монахов и духовенства лишь отчасти и достаточно односторонне; она неизбежно получала у них своеобразное преломление.

В частности, комическая или вообще снижающая тенденция выступает в церковных сочинениях не в качестве самостоятельного начала, не как симптом особой смеховой, карнавальной культуры, но в виде неотъемлемого элемента в н у т р и целостного средневекового мировоззрения, в своей основе вполне «серьезного». В связи с этим возникает вопрос: может быть, за пределами церковной латинской литературы ситуация была иной и существовала также и самостоятельная смеховая культура? Для проверки этого предположения стоило бы рассмотреть памятники, в наименьшей мере затронутые церковным влиянием, в которых дохристианский субстрат особенно живуч. Найти такие произведения в средневековой Европе не так-то легко.

Тем не менее положение небезнадежно. Нужно обратиться к странам, позднее других подвергшимся христианизации и сохранившим свою самобытную литературу. К таким странам относятся прежде всего скандинавские страны, тем более что их литература, преимущественно исландская, необычайно богата. В ней явственно слышны отзвуки германской героической поры. Здесь наше внимание привлекает «Старшая Эдда»². Такой выбор вполне оправдан тем, что в эддических песнях о богах мы встречаемся с сильнейшей тенденцией к комическому. Вот несколько примеров.

В «Песни о Харбарде» и Тор и Один (скрывающийся под именем Харбарда) выступают в облике бранящихся между собою людей, и Харбард откровенно насмехается и издевается над простодушным и недалеким Тором, одетым как бродяга и объезжающим сеledками с овсянкой. Оба похваляются своими подвигами: возвращающийся из страны великанов Тор — своими победами над врагами асов и людей, Харбард — удачами как в любовных делах, так и в натравливании князей друг на друга. В «Песни о Хюмире» налицо бурлескная гиперболизация: котел, добываемый Тором у великана Эгира, глубиной с версту; бабка великана имеет девять сотен голов; Тор съедает на ужин двух быков; быки же служат приманкой для ловли рыбы, и на одно удилице ловятся сразу два кита. Опора крыши дома трескается надвое при взгляде великана, а кубок, раздробивший при ударе каменный столб, раскалывается на части, когда его метнули в голову Хюмира. В «Песни о Трюме» комическое заключается прежде всего в переодевании Тора невестой для того, чтобы выманить у Трюма похищенный у него молот (условием Трюм поставил — выдать за него Фрейю); великан, видя невероятное ожорство невесты и пламя, пышущее из глаз ее, тем не менее не распознает обмана и погибает под ударами молота, им же возвращенного его владельцу. Наконец, в «Перебранке Локи» Локи на пиру у Эгира поносит богов и богинь, обвиняя их в трусости, разврате и всяческих извращениях, заодно похваляясь собственным неблагоприятным поведением...

Как истолковать «Перебранку Локи», а равно и ранее упомянутые песни, в которых боги изображены в комических ситуациях и предстают в крайне неприглядном виде, как извращенные существа, прелюбодеи,

² Далее цитируется издание: «Старшая Эдда», перевод А. И. Корсуна, редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблина-Каменского. М. — Л., 1963 («Литературные памятники»).